

Сунь Юэ медленно повернулся. Тан Шэнь с изумлением обнаружил, что этот толстяк плачет. Сунь Юэ был вне себя от волнения. Он бросился вперед и сжал Тан Шэня в объятиях, едва не раздавив его своей тяжелой тушей:

— Последний в списке! Действительно самый последний! Тан Шэнь, твои слова прямо-таки пророческие! В следующий раз обязательно пожелай мне сдать провинциальный экзамен, пусть даже я снова буду самым последним! О, точно, ты же только что говорил, что завтра в полдень угощаешь в Тереме Цяньцю? И не думай! Друзья, завтра в полдень я, Сунь Юэ, угощаю всех в Тереме Цяньцю! Я плачу!

Тан Шэнь не знал, плакать ему или смеяться.

Результаты экзамена управы были вывешены. Тан Шэнь еще немного побыл со своими соучениками по академии, а когда вернулся домой, неожиданно встретил там гостя.

Тан Шэнь очень удивился и поспешил навстречу:

— Учитель, как вы здесь оказались?

Лян Сун пришел к нему домой впервые.

Лян Сун сидел на деревянном стуле посреди двора. Улыбнувшись, он спросил:

— Это твоя сестра?

Тан Шэнь взглянул на Тан Хуан:

— Да, ее зовут Тан Хуан. Ей десять лет.

— Хуан? Каким иероглифом пишется?

Девочка тут же выпалила:

— Тот, который желтый!

Тан Шэнь поправил:

— «Хуан», который означает драгоценную яшму. В «Чжоу и», в разделе «Дацзунбо», сказано: «Черной яшмой-хуан совершают подношение северу». Учитель, именно этот «хуан».

Тан Хуан растерянно уставилась на брата.

Лян Сун, заметив реакцию брата и сестры, кивнул:

— Хуан — это прекрасная яшма. Хорошее имя.

Тан Хуан застыла на месте. Спустя мгновение она радостно помчалась на кухню, крича на ходу:

— Тётушка Яо, у меня есть имя! Тан Хуан! И пишется оно не как «желтый», а как драгоценная яшма-хуан! Сам Великий ученый Лян сказал, что это хорошее имя!..

Тан Шэнь закрыл лицо руками. Подумаешь, имя обрела! Почему эта девчонка не может вести себя скромнее? Позорит его перед учителем!

Лян Сун поднялся со стула:

— Тан, трижды первый на начальных экзаменах?

— О, учитель, вы уже знаете?

— Да, узнал на ночь раньше тебя. Пойдем, трижды первый Тан, прогуляемся.

— Слушаюсь.

Они вышли со двора и не спеша пошли по улице.

Рядом с домом, который снимал Тан Шэнь, протекала речушка. В управе Гусу каналы и речки встречались на каждом шагу. Они некоторое время шли вдоль воды.

Лян Сун спросил:

— Несколько дней назад к тебе приходил Юйчжи?

Тан Шэнь на мгновение замолчал, а затем ответил:

— Да.

От автора:

Маленький господин Тан: Да что происходит, семья Ван всё ещё не разорилась?!

Стар и млад из семьи Ван: Мяу-мяу-мяу??? Старшая молодая госпожа, вы...???

Сосед, который сегодня так и не появился, старина Ван: Моя супруга транжирит семейное добро, прошу прощения за это недоразумение.

Тан Шэнь не мог скрыть от учителя дело Сюй Хуэя. Когда Лян Сун спросил об этом, он немного помялся, но все рассказал.

Тан Шэнь произнес:

— Юйчжи сказал, что не хотел беспокоить меня, но поскольку вы, учитель, в то время находились в Цзиньлине, а дело не терпело отлагательств, ему оставалось только попытаться счастья со мной.

— Я действительно не хотел, чтобы он обращался к тебе, — вздохнул Лян Сун.

Тан Шэнь опешил и поднял глаза на Лян Суна.

— Шэнь-эр, раз уж он рассказал тебе, кто такой этот даос Хуа, и объяснил, зачем нужно выведать у него сведения, ты должен понимать, что именно за этим стоит.

«Разве не Дворцовый переворот у ворот, случившийся двадцать пять лет назад?» — подумал про себя Тан Шэнь. Вслух он ничего не сказал, лишь молча опустил голову. Но даже без слов Лян Сун понимал, что ученику все известно.

Лян Сун тяжело вздохнул.

Этот его ученик, несмотря на юный возраст, отличался умом и практичностью, умел ладить с

людьми и имел на все собственное мнение. Раз уж Сюй Хуэй обо всем ему рассказал, Тан Шэнь наверняка втайне докопался до истины и выяснил, чем его учитель был занят все эти месяцы. И даже если юноша молчал, Лян Сун прекрасно понимал, что тот обо всем догадался.

Лян Сун наставительно произнес:

— Учитель знает, что ты не слишком стремишься на государственную службу.

— Вовсе нет... — пробормотал Тан Шэнь.

Чиновничья среда полна опасностей, а в море государственной службы бушуют штормы, и никто не может гарантировать, что его лодка не пойдет ко дну. Пределом мечтаний Тан Шэня было сдать провинциальный экзамен, стать богатым местным сквайром и жить припеваючи в этом благодатном краю Цзяннань, вкусно есть и сладко пить, наслаждаясь спокойной жизнью вместе с младшей сестрой.

— Довольно, неужели учитель не видит тебя насквозь?

— ...Учитель понимает меня лучше всех.

— В твоих мыслях нет ничего предосудительного. Однажды ты сказал: «За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек». Прекрасно, что в тебе есть такое благородство, но я никогда не требовал, чтобы ты мерил себя этой меркой. Ныне Великая Сун кажется мирной, но кидани на севере только и ждут возможности напасть. Если ты сможешь прожить жизнь в мире и благополучии, это и будет моим самым заветным желанием.

Они дошли до конца переулка. Лян Сун остановился и строго произнес:

— То, о чем просил тебя Сюй Хуэй, с сегодняшнего дня тебя не касается. Не смей в это вмешиваться.

Тан Шэнь замер.

Лян Сун с улыбкой добавил:

— Возвращайся, трижды первый Тан. В управе Гусу накопились горы бумаг, мне пора возвращаться к делам!

Дворецкий из Поместья Лян уже давно ждал его у входа в переулок. Лян Сун сел в экипаж, но не успел тот тронуться, как Тан Шэнь быстро подошел и, встав у колеса, позвал:

— Учитель!

Лян Сун отодвинул занавеску. Под ветвями ивы стоял красивый юноша и с самым серьезным видом говорил:

— Учитель сказал, что желает мне прожить жизнь в мире и благополучии. Я хочу ответить вам тем же: пусть ваша жизнь будет долгой, мирной и счастливой, и вы встретите старость в покое!

Лян Сун в изумлении уставился на Тан Шэня и после долгого молчания ответил:

— Хорошо!

Тан Шэнь стоял на углу переулка, провожая взглядом удаляющийся экипаж.

«Эх, услышал ли меня учитель?..» — с тревогой подумал он.

На душе у Тан Шэня было беспокойно. Будучи человеком из современного мира, он хоть и выучил назубок Четверокнижие и Пятикнижие, а также наизусть помнил изречение Конфуция о том, что «государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном», но для него это были лишь зазубренные слова, следовать которым он не собирался. В своей прошлой жизни он слышал историю о том, как в конце эпохи Южная Сун канцлер Лу Сюфу бросился в море вместе с малолетним императором на руках, а вслед за ними на смерть пошли сто тысяч верных подданных, после чего «не осталось Китая после битвы при Яшане». Он восхищался этими героями, но не мог разделить их чувств и сам бы никогда так не поступил.

Даже если во время Дворцового переворота у ворот двадцать пять лет назад наследный принц и Великий ученый Чжун пали жертвой чужого навета и вовсе не собирались силой захватывать власть, сейчас в Великой Сун царили мир и процветание. Нынешнего императора нельзя было назвать великим правителем, но и до тирана ему было далеко. Пусть он и увлекся поисками бессмертия, но государственные дела не забросил и не отдал власть в руки подлецов. У этой страны все еще оставалась надежда.

— Что же вы задумали, учитель! — вздохнул к небу Тан Шэнь.

Он вернулся домой в подавленном настроении, но стоило ему переступить порог, как он обнаружил во дворе новых гостей.

Тан Шэнь никак не ожидал увидеть здесь Цзюйжэня Тана. Более того, тот пришел не один: вместе с ним явились Госпожа Тан, управляющий из Поместья Тан и даже Тан Юнь.

Зачем понадобилось устраивать такое шествие?

Тан Шэнь подошел ближе и поприветствовал их:

— Дядюшка, тетушка, старший брат.

Цзюйжэнь Тан выглядел смущенным.

В прошлом году, когда Тан Шэнь только прибыл в управу Гусу, Цзюйжэнь Тан, все еще таивший обиду на покойного Сюцяя Тана, намеренно выказывал пренебрежение к племяннику и его сестре Тан Хуан. И пусть после того, как Тан Шэнь занял первое место на экзамене управы, дядя устроил в его честь роскошный пир, длившийся три дня и три ночи, сейчас при виде племянника он все равно чувствовал неловкость.

Пока Цзюйжэнь Тан колебался, не зная, с чего начать разговор, Госпожа Тан заговорила первой:

— Шэнь-эр, мы пришли поздравить тебя с победой на экзамене академии! Ты стал трижды первым на начальных экзаменах!

И это все?

Вряд ли они явились такой толпой только ради поздравлений. Наверняка за этим крылось что-то еще. Тан Шэнь затаил сомнения, но вслух лишь вежливо улыбнулся:

— Благодарю вас, тетушка.

Цзюйжэнь Тан наконец нашел подходящий момент, чтобы вставить слово:

— Шэнь-эр, я и представить не мог, что ты настолько одарен. Ты ведь первый в нашей семье Тан, кто стал трижды первым на начальных экзаменах.

— Дядюшка, вы преувеличиваете. Это всего лишь начальный экзамен, мне еще только предстоит сдать провинциальный.

Цзюйжэнь Тан снова замялся, не зная, что ответить.

Видя его замешательство, Госпожа Тан вздохнула:

— Шэнь-эр, негоже вести такие пустые разговоры, скажу тебе начистоту. Сегодня мы с твоим дядей и братом пришли, чтобы забрать тебя в семейный храм семьи Тан для поклонения предкам. Я знаю, твой отец когда-то поклялся, что ноги его не будет в доме Тан. Но в конце концов мы одна семья. Ты стал трижды первым, это великая радость! Старейшины рода узнали об этом еще утром и хотят устроить празднование в твою честь.

— Вот оно что, — кивнул Тан Шэнь.

В прежние времена, если ученый из бедной семьи сдавал экзамены, особых условностей не требовалось. Но если успеха добивался выходец из образованного и знатного рода, полагалось провести обряд поклонения предкам в семейном храме, чтобы возвестить их о заслугах потомка. Для такого большого клана, как семья Тан, получение звания сюцай обычно не служило поводом для торжественного обряда — покойный Сюцай Тан в свое время этого удостоен не был, да и сам Цзюйжэнь Тан, став сюцаем, предкам не кланялся. Зато когда Цзюйжэнь Тан сдал провинциальный экзамен, двери семейного храма распахнулись для торжественной церемонии.

И хотя сейчас Тан Шэнь был всего лишь сюцаем, его звание трижды первого на начальных экзаменах вполне заслуживало того, чтобы открыть двери семейного храма.

<http://bllate.org/book/18292/1754459>